

Почему проповеднику необходимо систематическое богословие¹

Бенджамин Уорфилд

В последнее время стало бытовать мнение, что содержание можно заменить формой, что методы важнее учения. Хотя в действительности главная задача проповедника — сообщить своим слушателям истину так, как она представлена в систематическом богословии. Чтобы выполнить эту задачу, он и сам должен твердо знать христианскую догматику. Речь идет не о том, что проповедь должна превратиться в строгую лекцию, а о том, что горячая проповедь Евангелия должна проистекать из знания учения. Общеизвестный принцип, гласящий, что, как человек верит, так он и ведет себя, подчеркивает важность проповедования правильного учения. Каждый проповедник, признает он это или нет, внушает своим слушателям определенный набор убеждений, поэтому так важно, чтобы он правильно понимал систематическое богословие. Богословие — самая лучшая основа духовной жизни как проповедника, так и его слушателей.

Несколько лет назад профессор Флинт из Эдинбурга в конце первой лекции своему классу предостерег студентов против того, что он назвал «надвигающейся бедой». Он имел в виду становившееся все более популярным представление, в соответствии с которым, «чтобы начать служение, надо состояться в качестве проповедника и совсем необязательно быть ученым, мыслителем и богословом». Как указано в сообщении об этой лекции, далее он сказал: «Но великими или даже просто хорошими проповедниками так не становятся. Сначала они должны сформировать себя, а только потом — стиль своей проповеди. У хороших проповедников содержание предшествует форме и форма никогда не может заменить содержание. Они постигают истину, прежде чем задумываются о том, чтобы представить ее другим... Они закладывают мощное основание для проявления своей любви к душам посредством всепоглощающего, глубокого, страстного изучения истины, которая спасает души»². В этих знаменательных словах содержится суть аргументации в пользу необходимости систематического богословия для проповедника. Аргументация состоит в следующем: поскольку души спасаются истиной, значит, главная задача проповедника — провозглашать истину людям, поэтому он сам обязан постичь истину, чтобы суметь передать ее другим для спасения их души. Нельзя, конечно, преуменьшать важность тех способностей и навыков, которые помогают проповеднику убедительно представлять истину, ему необходимо «состояться в качестве проповедника». Но все же ему еще важнее иметь ясное и твердое понимание истины, в которой он должен убеждать своих слушателей, используя свои способности и навыки. А для обретения ясного и твердого понимания истины совершенно необходим систематический подход.

¹ Взято из *Review Homiletic* (February 1897):99-105, as reported in *Selected Shorter Writings of Benjamin B. Warfield—II*, John E. Meeter, ed. (Nutley, NJ: Presbyterian and Reformed, 1973), 280–288. Эта статья была опубликована в *The Master's Seminary Journal* 7/2 (Fall 1996): 241-249. Перевод и размещение статьи на www.propovedi.ru - с разрешения издателя.

² *The Scotsman* for Nov. 13, 1888.

Систематическое богословие — это не что иное, как спасительная истина Божья, представленная в систематической форме.

Нет сомнений, что систематический подход к учебе необходим для овладения знаниями в любой области. Нельзя сомневаться и в том, что тот, кто будет учить других, должен сам прекрасно владеть знаниями, которые он призван передать. Вопрос заключается только в том, действительно ли христианская истина настолько важна для христианской надежды и христианской жизни, что самый первый долг проповедника — овладеть этой истиной и учить этой истине других. Некоторые считают, что призвание проповедника — делать людей христианами, а не богословами, а следовательно, проповеднику не нужно обладать знанием всей так называемой христианской догматики, у него лишь должна быть твердая вера в Иисуса Христа как Спасителя и горячая любовь к Нему как к Господу. Проповедник якобы несет ответственность за практику, а не за теорию, поэтому неважно, насколько он сам невежествен в богословии и насколько невежественными остаются его слушатели. Главное, чтобы он передал им свою веру и любовь, которые горят в его сердце. Не ученость, а ревность нужны ему. Более того, нередко можно услышать и такое: слишком большая ученость мешает быть эффективным служителем. Занятость ума богословскими тонкостями не позволяет погрузиться всем сердцем в подлинную духовную жизнь и заниматься практическими вопросами, а для проповедника нет ничего важнее, чем внутренняя жизнь и видимое служение. Дайте церкви не ученых, говорят нам, а простых практичных людей, горящих любовью к Христу и отдающих все силы на спасение душ.

Конечно, если бы данное противопоставление имело под собой основание, то мы бы и не стали возражать против выдвигаемых требований. Если бы мы на самом деле должны были выбирать между холодным интеллектуализмом и горячей евангельской проповедью, то обеими руками мы голосовали бы за последнюю. Не отягощенные знаниями проповеди, в которых горит ревность по душам, следует, не колеблясь, предпочесть выступлениям, целиком и полностью посвященным интеллектуальному разбору взаимосвязи между истинами, истинами, которым не позволено влиять на жизнь слушателей и зажигать в них огонь миссионерской любви. Однако недостаточно рассмотреть только одну крайность. Как мы должны относиться к служению, которое проистекает из полного невежества и незнания всей христианской истины? Едва ли его можно назвать христианским служением. Надо признать, что человек может быть настолько одержим интеллектуальной стороной христианской истины, что совершенно не годится на роль христианского служителя. Надо также признать, что человек должен обладать здравым пониманием христианской истины, чтобы вообще заниматься христианским служением. Риск злоупотребления систематическим богословием никак не отменяет того факта, что богословие полезно и даже необходимо проповеднику. Выдающиеся математические способности и любовь к математике могут обитать в совершенно непрактичной голове, и, как мне кажется, мир может быть полон чистыми математиками, от которых ему нет никакой пользы. Однако ни один человек не может заниматься чем-то практичным на уровне прикладной математики, ничего в математике не смысла! Аналогично, хотя может случиться так, что служитель будет обладать бесплодным знанием важнейших христианских истин, никогда не будет так, что кто-то будет нести плодотворное служение без здравого и живого знания этих истин. И только с большим сожалением мы отмечаем такие факты, когда служители, движимые боязнью бесплодного знания, позволяют себе высказываться в том смысле, что животворящее знание Божьей истины не имеет равным счетом никакого значения, хотя без него подлинное служение просто невозможно. Нам крайне необходимо вновь услышать предостережение покойного

Обри Мура. Он писал: «Столько ревностных христиан так страшатся пустой веры, что порой они позволяют себе говорить, что твердая приверженность здоровым взглядам — лишь формализм, что принятие символа веры приносит больше вреда, чем пользы. Конечно, мы все знаем, что не символом веры спасается человек и что, когда придет жених, у многих будут пустые светильники, но если мы выбросим свои светильники, вместе с ним погибнет и драгоценное масло»³.

Утверждение о необходимости здравого знания христианской истины для проповедника основано на принципе, который верен как с точки зрения психологии, так и с точки зрения общечеловеческого опыта. «Весь наш опыт доказывает, что поведение соответствует верованиям», — говорит епископ Уэсткот. И он имеет все основания добавить, что «этот бесспорный принцип ведет к очень важным последствиям». Он продолжает: «Тщательное исследование покажет, что нет такого учения, которое не оказывало бы влияния на наши действия... Воздействие доктрины может быть и положительным и вредным — это важный критерий оценки любой доктрины, который мы сейчас не рассматриваем — но если человек ее придерживается, она непременно окажет влияние на его мораль. У каждой веры и каждого ответвления веры есть своя характерная форма религиозной жизни. И если особенности этой формы со временем стираются, то только потому, что верования, из которых она проистекает, потеряли свою четкость и остроту»⁴. Ректор Уэйс порицает «склонность современных историков недооценивать влияние различий в религиозных и моральных устоях на человеческую природу» именно потому, что «эта склонность полностью противоречит имеющимся данным»⁵. Он добавляет: «История мира, по большому счету, есть история того, как религиозные идеи, часто кажущиеся абстрактными и умозрительными, предопределяют будущее целых народов и регионов Земли... Таким образом, исторические факты служат неопровержимым доказательством того, что христианское сообщество, и человеческое сообщество в целом, не ошибалось, когда приписывало огромное значение тем различиям в вере, даже кажущимся второстепенными, из-за которых христианский мир разделился и, к сожалению, до сих пор остается разделенным». Эта мысль емко выражена в «Систематическом богословии» почившего профессора Джона Майли:

Религиозное движение, способное возвысить душу до истинно духовной жизни, должно зародиться и развиваться в контексте ясного и серьезного возвещения ключевых религиозных доктрин. Очередность событий во всех подобных движениях в истории христианства была такой: сначала — исправление учения, потом посредством более чистого учения — возвышение и улучшение нравственной и духовной жизни... Такой была и должна быть хронологическая последовательность этих событий, потому что такова их логическая взаимосвязь. Когда душа возвышается над греховной жизнью и мертвым формализмом и переходит к истинной духовной жизни, у нее должны быть достаточные причины и мотивы для этого перехода... Если мы посвящаем себя Богу и ведем жизнь святого послушания и любви, то это может произойти только благодаря осознанию своего долга и стремлению к духовному благополучию, а эти долг и благополучие наиболее полно выражены в ключевых христианских доктринах. Эти доктрины не умозрительные принципы и не сухие абстракции, а живые истины, содержащие в себе всю практическую

³ *Some Aspects of Sin*, 20.

⁴ *The Gospel of Life* 48, 57.

⁵ *The Foundations of Faith*, 194–198.

силу христианства. Духовная жизнь принимает наиболее возвышенную форму именно в контексте евангельского христианства — ни в обрядовой, ни в рационалистической религии такой возвышенной формы не достичь; а все дело в том, что в евангельском христианстве великие христианские доктрины играют центральную роль в живой вере и воздействуют своей трансцендентной практической силой на всех, кто вступает в такую жизнь⁶.

Если эти слова верны, тогда необходимость систематического богословия для проповедника очевидна. Они показывают не только то, что преподающий истину сам должен знать эту истину, но и то, что форма духовной жизни, которую вызовет к существованию его проповедование (в той мере, в какой оно будет эффективным), будет напрямую зависеть от его понимания христианской истины и количества истины, содержащейся в его проповедях. Епископ Уэсткот сказал об этом так: «Заблуждение и невежество в данной ситуации приведут к неполноценной и изуродованной жизни, хотя можно было бы добиться более возвышенной и полной жизни». И напротив, «правильное учение, если оно будет превращено в дело, есть неиссякаемый источник силы»⁷. В том же ключе доктор Горацій Бонар, этот святой Божий человек, пишет: «Все неправильные мысли о Боге, будь то об Отце, Сыне или Духе, обязательно бросают тень на душу, которая эти мысли допускает. В некоторых случаях тень не слишком темная и холодная, но она не бывает безобидной. В этом заключается суть ответа на легкомысленный вопрос: на самом ли деле важно, во что верит человек? Все искаженные представления о Боге сказываются на жизни души и на спокойствии совести. Мы должны правильно думать о Боге, если мы хотим поклоняться Ему так, как Он того желает, вести жизнь, которую Он уготовал нам, и наслаждаться покоем, который Он приобрел для нас»⁸. А то, что справедливо в отношении учения о Боге, справедливо и в отношении всех остальных учений о Его путях и делах. Как сказал доктор Уэсткот, «закон, верный в отношении влияния, которое оказывают самые общие представления о Боге, будущей жизни и боговоплощении, также верен в отношении влияния, которое оказывают конкретные детали этих представлений»⁹.

Вот и доктор Александр Уайт свидетельствует о связи между правильными убеждениями и самой возвышенной духовностью. Его слова весьма примечательны, поэтому мы не можем не привести их почти полностью. Он пишет:

Один из признанных мастеров духовной жизни [Ланселот Эндрюэс] предостерегает нас против «небогословской духовности». «Подлинная духовность, — настаивает он, — всегда была ортодоксальной». Те, кто читал его «Азбуку восхождения», вспомнят, как красноречиво и убедительно ее автор доказывает, что богословие вероисповеданий и катехизисов, при условии, что оно правильно понято и правильно применяется, обращено к сердцу не меньше, чем к голове, пробуждает воображение не меньше, чем разум. И невозможно изучать книгу Эндрюэса [«Личная духовность»], это его богословие тайной комнаты, и не заметить, какое величие, какой масштаб, какую глубину, какую силу, а также какую евангельскую страсть и сердечность его богословие придавало его духовной жизни... В «Азбуке» автор говорит, что лично он почитает Афанасьевский символ веры самым лучшим выражением духовности,

⁶ Vol. 1, 48–49; cf. 40.

⁷ Westcott, *Gospel of Life*, 58.

⁸ *The Gospel of the Spirit's Love*, 22.

⁹ Westcott, *Gospel of Life*, 55.

которое церковь когда-либо производила на свет. Да мы и сами испытываем то же самое, когда Эндрюэс берется рассуждать над Апостольским и Никейским символом веры или о жизни, именах, делах и служениях нашего Господа. Стоит только Эндрюэсу коснуться одной из этих тем своим разумом, воображением или сердцем, как он сразу же предоставляет себе и своим читателям еще одну великую молитву или еще один великий псалом. Ибо так оно есть: всякое истинное богословие само по себе по-евангельски духовно¹⁰.

Читавшие книгу доктора Палмера «Жизнь Торнуэлла» также могут вспомнить похожее свидетельство о том, как чтение Вестминстерского исповедания воздействовало на душу Торнуэлла. Мы и сами можем засвидетельствовать, что Вестминстерское исповедание обладает удивительной силой пробуждать религиозные чувства, а также создавать и направлять духовную жизнь. Мы можем лишь повторить слова доктора Уайта: «Ибо так оно есть: всякое истинное богословие само по себе по-евангельски духовно».

Поэтому не может не иметь значения то, какие учения мы проповедуем и проповедуем ли мы какие-либо учения вообще. Нельзя же проповедовать, не проповедуя учение. И род религиозной жизни, которую будут пробуждать наши проповеди, будет определяться содержанием возвещаемых нами учений. Мы обманываем себя, думая, что, отвергнув богословие вероисповеданий и напоказ забыв об основных учениях христианства, мы тем самым избежим возвещения определенной системы верований. Даже человек, радикально отвергающий важность доктрин, как только взбирается за кафедру, неизбежно начинает провозглашать определенные религиозные положения. И как написал остроумный автор в журнале *The Atlantic Monthly*, люди всегда так или иначе оказываются верующими. Даже «у последователей Ренана в рукаве припрятаны верования собственного изготовления, которые так и просят о публичном признании. Они катят свои передвижные газетные киоски по бульварам и выкрикивают новые символы веры: *'Par ici, mes amis, par ici! Voici des croyance neuves, voici la Verite!'*»¹¹. Старые ли, новые ли, но у всех нас есть верования, и когда мы выходим за кафедру, мы неизбежно становимся их глашатаями. Мы говорим о некоторых христианских истинах так, словно они имеют исчезающе малое значение, саркастически отмечает Обри Мур, потому что «мы обладаем исчезающе малым знанием о них»¹². Но нам не стоит воображать, что мы, пренебрегая этими истинами, ничему не учим, не проповедуем догматическую веру и не формируем жизнь своих слушателей, пытаясь отстраниться от догматики. Лишить свою аудиторию этих истин не значит отгородить ее от всех догматических утверждений и полностью устранить влияние на их духовное развитие. Изувеченное Евангелие производит изувеченные жизни, а изувеченные жизни — это несомненное зло.

Что бы проповедник ни делал, у его слушателей все равно будет система верований. И стоит ли удивляться, что в попытке создать такую систему для управления своей жизнью из обрывков истины, которые проповедник позволяет им иметь, они обречены создать нечто весьма далекое от истины? В лучшем случае люди будут «вынуждены принять некое эмпирическое богословие, рождающееся в попытке соединить обрывочные знания религиозных истин, а также выводы, которые из них следуют»¹³, что лишь приведет к созданию ошибочной системы верований, которая

¹⁰ *Lancelot Andrewes and His Private Devotions*, 49–51.

¹¹ Henry T. Sedgwick, Jr., in *The Atlantic Monthly* (August 1896):188. (фр. «Вот, друзья мои, вот! Вот новая вера, вот истина!»)

¹² Moore, *Some Aspects of Sin*, 26.

¹³ *Ibid.*, 25.

будет уродовать их жизнь. А в худшем случае они вынужденно отбросят эти бессмысленные и дискредитированные осколки истины, а вместе с ними и христианскую веру в целом, потому что они, в отличие от проповедника, понимают, что христианство неразрывно связано с ними. Другими словами, они станут атеистами. В любом случае они будут иметь полное право обвинить проповедника в искажении и в крахе их духовной жизни. Стоящему за кафедрой не дано выбирать — учить или не учить, внушать своим слушателям систему верований, формирующих их жизнь и определяющих их будущее, или не внушать. Ему дано лишь выбрать, чему именно он будет учить, какую именно систему доктрин он будет вкладывать в головы людей, набором каких утверждений он будет формировать их жизнь и направлять их молитвенную практику.

Поэтому, насколько сообщение системы верований является неизбежным результатом проповеди, настолько тщательное формирование системы верований является необходимым для проповедника. А это лишь выраженная другими словами мысль, что систематическое изучение истины, то есть изучение систематического богословия, является необходимой подготовкой к служению за кафедрой. Только при условии, что проповедник понимает взаимосвязь истин, которые он возвещает, он может возвещать их для пользы и роста души. Иначе говоря, систематическое богословие — главный учебник проповедника. Изучение этого предмета, конечно, может быть предпринято с холодным сердцем, в котором нет любви, и с разумом, которому нужны только схоластические споры. В таком случае для проповедника в такой учебе не много толку и суть систематики потеряна, так как она нужна не для споров, а для того, чтобы «умудрить во спасение». Если же изучение систематики используется как средство приобретения полного и точного знания христианских истин, которые могут «умудрить во спасение», то оно, несомненно, принесет плод в сердце самого проповедника и поможет ему правильно разделять слово истины, а также плод в жизни его слушателей, в которых сила истины будет производить правильное отношение к Богу и вести их к зрелости, совершеннолетию во Христе.